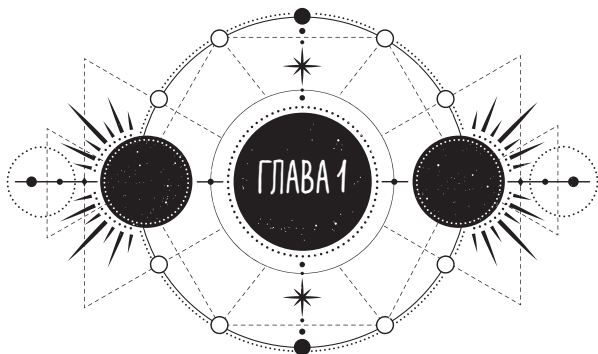

*Джонатану: ты даешь мне опору на земле
и помогаешь взлетать к небесам*

У себя дома я словно невидимка. В школе меня считают чудачком. Но для всего остального мира я журналист.

Особенное ощущение, от которого слегка тянет в животе и учащается дыхание, охватывает меня всякий раз, когда я сочиняю очередную новостную заметку, открываю приложение «Флэш-Фэйм»^{*} и начинаю трансляцию в прямом эфире для четырехсот тридцати пяти тысяч своих подписчиков.

Я выхожу из поезда метро на остановке «Таймс-сквер», направляюсь к выходу и еще какое-то время собираюсь с мыслями. Затем делаю глубокий вдох и расплываюсь в дежурной улыбке. Держа телефон перед лицом, мысленно пробегаюсь по сценарию своего еженедельного обзора, посвященного жизни Нью-Йорка. Ну, вы понимаете — на что обратить внимание и где прогуляться.

— Привет! — выкрикиваю я в телефон и ухмыляюсь, когда пассажиры позади меня исчезают из поля зрения. — Меня зовут Кэл, добро пожаловать в мой очередной обзор событий на предстоящие выходные. Нью-Йорк на этой неделе не радовал нас новостями: убийства

---

^{*} «Флэш-Фэйм» (англ. FlashFame) — американский SMM-сервис для продвижения в социальных сетях. *Здесь и далее — примечания переводчика.*

и исчезновения людей, все как обычно. Однако в национальной новостной ленте особенно выделяется одна: поиск последнего, двадцатого по счету астронавта, который присоединится к проекту «Орфей».

Во фронтальной камере огромной массой рекламных щитов, магазинов, спешащих куда-то такси и мотоциклов проносится город. Стараюсь не показывать, насколько натянута моя улыбка, напоминая себе: даже самые опытные репортеры должны рассказывать зрителям о том, что хочется услышать больше всего. И, судя по комментариям подписчиков, выбора у меня нет: люди желают знать самые свежие новости. Я не удивлен — сейчас все только об этом и говорят. Шесть человек ступят на поверхность Марса; это вызвало такой повышенный интерес, какого космическая программа не знала уже несколько десятилетий.

— Последнего астронавта отберут в ближайшие несколько недель, после чего вся команда переедет в Хьюстон, чтобы побороться за место на космическом корабле «Орфей-5», который отправится с первой пилотируемой миссией на Марс.

Если это выступление не принесет мне «Эмми», я буду в бешенстве. Доводилось ли вам радостно вещать о чем-то людям, когда в душе вы мечтали проблеваться, вместо того чтобы дальше об этом говорить? Именно так я себя чувствую, когда речь заходит о марсианских миссиях. Бесит эта шумиха.

Однако люди настолько озабочены драмой, разворачивающейся вокруг предстоящего полета на Марс, что можно подумать, будто это последний выпуск реалити «Настоящие домохозяйки». В этом-то и заключается стоящая передо мной дилемма. Хочу ли я рассказывать о том, что действительно волнует людей? Да. Хочу ли я еще больше подписчиков и зрителей? Тоже да.

— Представитель «Стар-Вотч» делился сегодня новостями об отборе астронавтов, — продолжаю я, — но кабельный распространитель сплетен не принес нам известий о возможных кандидатурах.

После краткого обязательного отчета о делах НАСА перехожу к новостям Нью-Йорка, рекомендуя самые примечательные мероприятия этих выходных: вечеринки, фермерские рынки и все в таком духе, непрерывно наблюдая за увеличивающимся количеством зрителей в прямом эфире.

Я и раньше посвящал обзоры местным и национальным новостям, не забывая в том числе и про мировые события. Освещал весь год промежуточных выборов, посещая в ближайших трех штатах митинги кандидатов в сенат и палату представителей, даже самых дремучих из них, вроде тех, кто считает, что излучение от микроволновок вызывает рак.

Раньше меня охватывало чувство беспомощности всякий раз, когда я открывал приложение с новостями, но возможность делать репортажи дала мне платформу для выражения собственного мнения, и это нашло отклик у множества людей.

В то время как кабельные каналы подгоняли новостные сюжеты под запросы своей аудитории, продвигая сенсационную чушь: «Гомофобен ли Трамп? Мы взяли интервью у гомофобного избирателя Трампа, чтобы узнать, о чем он думает!», — я освещал настоящие новости. Резко и непредвзято.

Например, как в том случае, когда кандидат от республиканцев на пост сенатора Нью-Йорка пропал с радаров, отказавшись участвовать в дебатах или общаться с прессой до выборов... что не мешало ему без проблем атаковать своих оппонентов в «Твиттере». Однажды выяснилось, что его заметили в городе, поэтому я улизнул

из школы и принялся караулить у ресторана, где он в тот момент находился.

Не назвавшись, с включенным телефоном в нагрудном кармане я задал ему для начала несколько совершенно невинных вопросов. Он охотно отвечал до тех пор, пока я не поинтересовался текущим расследованием относительно совершенных им хищений и обвинениями в сексуальных домогательствах, а также недавней перестановкой кадров, которая могла быть связана с этими событиями.

В конце концов мне пришлось гнаться за его лимузином вплоть до Пятой авеню, где он осыпал меня — и заодно пятьдесят тысяч зрителей — проклятиями в прямом эфире.

Излишне говорить, что выборы он проиграл.

Сейчас я тщательно планирую видеообзоры на неделю вперед. Один день посвящаю национальным новостям, другой — выпускаю о проблемах подростков, с добавлением кое-каких личных историй. Затем идут обзоры городской жизни Нью-Йорка. Даже если они не набирают наибольшего количества просмотров, эти стримы — мои любимые. В них только я и Нью-Йорк с квадриллионами жителей и туристов на заднем плане.

Во фронтальной камере заметно, как сказывается влажность на моих еще недавно идеально уложенных волосах. Если я в ближайшее время не завершу стрим, буду выглядеть, словно какой-то потасканный маньяк.

— Что ж, думаю, мы неплохо провели время... — я отворачиваюсь от фронтальной камеры, чтобы дать зрителям панораму своего окружения, в которой высокие здания со всех сторон сливаются в смесь из кирпича и бетона, — потому что сейчас мы уже на пересечении 38-й и Бродвея.

Мои обзоры всегда начинаются на северной оконечности Таймс-сквер, обычно я прогуливаюсь по Бродвею до тех пор, пока у меня есть что сказать либо пока не начинаю терять голос. Но и тогда я, как известно, дарю своим зрителям кусочек жизни настоящего Нью-Йорка: покупаю минералку на улице — разумеется, после того, как сторгуюсь до разумной цены.

— На сегодня у меня все. Следите за моим аккаунтом на «Флэш-Фэйм», чтобы узнать, почему я вскоре буду рыскать по улицам Нижнего Ист-Сайда.

Ухмыльнувшись, заканчиваю трансляцию и глубоко вздыхаю, сбрасывая с себя личину журналиста.

На 34-й улице сажусь в поезд до Бруклина, это практически единственный способ добраться отсюда до Нижнего Ист-Сайда. Туристы скапливаются в дверях метро, поезд останавливается между станциями на три минуты, кондиционер выдыхает поток теплого воздуха мне прямо в шею, и городской флер тускнеет.

К моему видео, которое в прямом эфире посмотрело около восьмидесяти тысяч человек, уже поступают уведомления. Удивительно, но «Флэш-Фэйм» знает, какие именно комментарии следует выделить — особенно тот, от которого у меня начинает щемить сердце:

JRod64 (Джерми Родригес): Люблю такое!♡

Сколько времени нужно, чтобы перестать думать о человеке, с которым вы даже почти не встречались? Горькая ирония от осознания того, что он любит мои посты, хотя не сумел полюбить меня, занимает все мои мысли, и в душе разгорается пламя ярости.

Гнев постепенно утихает, пока я шагаю по улицам Нижнего Ист-Сайда, высокие здания центра города исчезают, сменяясь низкими жилыми домами из кирпича

с пожарными лестницами — они возвышаются здесь над всем, от заброшенных винных погребов до веганских пекарен. Дважды сверяюсь с адресом и спускаюсь по лестнице в темный магазин без окон.

— Господи, Кэлвин, наконец-то! — восклицает Деб. Она всегда называет меня полным именем. На самом деле она всех так называет, кроме себя самой, но, по ее словам, лишь потому, что Дебора — старческое имя. — Я торчу здесь с тех пор, как ты прекратил стримить, а владельцы этого кассетного магазинчика очень любят поговорить о своем товаре! У меня не хватило духу сказать, что я зашла просто помочь другу выбрать пару кассет. Наверное, они приняли меня за мошенницу.

— Я бы заплатил, лишь бы увидеть, как ты притворяешься фанаткой кассет. — От этой мысли меня разбирает смех.

— Это несложно. Я просто несла всю ту чушь, о которой ты постоянно твердишь: «звук теплее» и прочая ерунда. Все шло хорошо до тех пор, пока он не спросил, какой модели и какого года у меня бумбокс.

Пока я просматриваю ассортимент, Деб нетерпеливо переминается у меня за спиной. Я пообещал ей веганский пончик (или сразу дюжину) из пекарни через улицу в обмен на то, что она отправится вместе со мной смотреть кассеты. К сожалению, глазу здесь зацепиться решительно не за что.

Я вылавливаю кое-что из корзины «все за доллар», полагаясь только на обложки — парни с красивыми распущенными гривами в духе восьмидесятых, саундтреки на кассетах, вкладки которых выполнены в стиле коробок старых VHS-фильмов, — и безо всякой иронии расплачиваюсь за этот ретроулов с помощью современного айфона.

— Наконец-то, — выдыхает Деб, выскакивая из музыкального магазина. — Странное место. И ты тоже странный.

— Спасибо, я в курсе.

Мы шагаем по Нижнему Ист-Сайду, который не сильно отличается от нашего района в Бруклине. Ладно, здесь чуть грязнее, и по пути встречается не так много детишек, но в остальном все очень похоже.

— Мне нравится этот район, — признаётся Деб.

— Да, вполне подходит для заведений вроде того магазинчика с кассетами, — отвечаю я, пожимая плечами. — Слышал, тут собираются открыть «Трейдер Джо»*.

— Боже, — морщится она. — Конечно, как без него.

Мы ныряем в крошечную пекарню, в которой лишь пять стульев для гостей. Двум пекарям явно тесно за прилавком, и от одного их вида меня начинает одолевать приступ клаустрофобии. Однако, оглянувшись по сторонам, я замечаю названия соседних районов в расклеенных по стенам объявлениях. Курсы йоги, услуги няни, уроки игры на фортепиано, писательские группы. Обращиваюсь и замечаю различные протестные знаки, всевозможные флаги сторонников квир-прайда**, старые агитационные наклейки с предыдущих выборов.

У Нью-Йорка есть свои способы сделать так, чтобы вы чувствовали себя как дома, где бы ни оказались. Достаточно свернуть с улицы, как новый район с радостью раскроет вам объятия, принимая в число своих обитателей.

— А как вы готовите свой веганский лимонный крем? — замороженно спрашивает Деб, и я понимаю, что скучаю по ней, когда она находится в своей стихии. Прежде чем пекарь успевает ответить, она говорит мне: — Это потрясающее место. Я собираюсь заказать дюжину, но думаю,

---

* «Трейдер/Торговец Джо» (англ. Trader Joe's) — сеть супермаркетов в США.

** Квир-прайд — движение сторонников ЛГБТ.

что стоит попробовать по одному с разной начинкой. Это же не чересчур? — спрашивает она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я вегетарианец, но она веганка и буквально очутилась в раю. У веганов плохая репутация, но Деб всегда относилась к этому спокойно. Она поощряет веганство, но не до такой степени, чтобы воспринимать его как культ.

Впрочем, это также означает, что мы должны посещать каждый новый веганский ресторан, пекарню, хипстерское кафе или фестиваль, стоит им только открыться, но я не жалуясь.

— Ты ведь поделишься со мной, правда? — спрашиваю я.

— Господи боже мой, — постанывает она, откусив пончик. — Нет, если они так же хороши, как этот, с лимонным кремом.

Мы неторопливо двигаемся в сторону Бруклина, поскольку не выбрали для себя определенного пункта назначения. Слишком далеко, чтобы идти пешком, но сегодня на удивление хороший день, и я никуда не тороплюсь. Да и Деб спешить некуда.

— Ты не должен был за меня платить, — ворчит она. — У меня же теперь есть работа, чувак. Не нужно больше бросаться мне на помощь.

Я краснею.

— Знаю, но дело не в этом. Просто я бросил тебя одну в этом закутке с кассетами, такую беззащитную, что тебе пришлось притворяться одной из нас, чтобы хоть как-то вписаться в атмосферу. Невозможно представить, через какие ужасы тебе пришлось пройти. Это меньшее, что я могу для тебя сделать.

Я не стал признаваться, что прекрасно знаю, как она экономит каждый заработанный цент. Деб работает усерднее всех моих знакомых, вместе взятых. Если

бы я мог хоть как-то ей помочь, то, конечно, сделал бы это. Но пока мы оба не сбежим из наших курятников, в моих силах лишь подсластить ей жизнь.

— А вот и Всемирный торговый центр. Мы уже близко к туристической зоне, — говорю я. — Сделаю несколько снимков для своего аккаунта на «Флэше», а потом сядем на поезд.

Солнца нигде не видно, однако пелена низких облаков проходит мимо, рассеченная надвое сверкающей башней. Стоит идеальный нью-йоркский день, но в моей груди засел комок, который напоминает, что ждет меня дома. Когда мы с Деб садимся в поезд и улыбаемся друг другу, я могу уверенно сказать: мысли у нас сейчас сходятся. Вероятность того, что сегодняшней вечер нам испортят родители, очень высока.

Мы возвращаемся в Бруклин за рекордно короткое время. Тревога сжимает мою грудь, когда я поднимаюсь по ступенькам крыльца нашего многоквартирного дома, и мне известно, что Деб обычно чувствует то же самое. Честно говоря, я бы лучше потратил еще несколько минут, оттягивая неизбежные неловкие разговоры и жаркие перепалки, которые ждут наверху. Не сказать, что эти скандалы когда-либо касались лично меня, но они всё продолжаются и продолжают. Практически непрерывно.

И высасывают из моей семьи все силы.

Я расстаюсь с Деб на третьем этаже, и тяжесть опускается мне на плечи, заставляя сжиматься и сутулиться, пока я поднимаюсь по лестнице в свою квартиру, перепрыгивая через две ступеньки зараз. Не успеваю я дойти до двери с блестящей цифрой 11, как слышу доносящиеся изнутри крики.

А ведь так было не всегда.

Я вставляю ключ в замок и, тяжело вздохнув, поворачиваю его.

Мое лицо почти мгновенно приобретает хмурое выражение. Хлопаю дверь, чтобы оповестить о своем появлении, но это ничего не меняет, поскольку они не в силах остановиться. Я хочу, чтобы мое пребывание дома что-то значило. Хочу... Я сам не знаю, чего мне хочется, — как минимум не чувствовать себя столь беспомощным, когда они так себя ведут. Пытаюсь уткнуться в телефон, но меня снова заваливает уведомлениями с вопросами об... астронавтах.

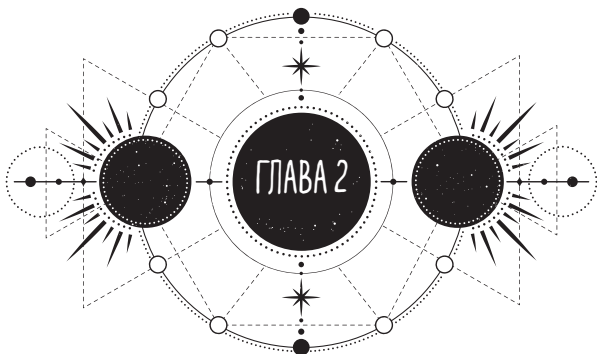
Со вздохом начинаю их просматривать.

kindil0o (Челси Ким): Привет, я твоя большая поклонница. Хм, мне кажется или ты перестал освещать тему с астронавтами? Раньше мне нравились твои стримы, и я до сих пор их смотрю, но хотелось бы чего-то в духе твоих старых обзоров. Полетим мы на Марс или нет? Ты потратил всего 30 секунд на новость о поисках нового астронавта, как так???

Отключаю уведомления. Конечно, подписчики не могли не заметить, насколько короткими стали мои включения о НАСА и как я отвожу взгляд от камеры, когда упоминаю о поисках новых кандидатов в астронавты.

Все хотят знать почему, и прямо сейчас я смотрю на причину: мой отец только что вернулся из Хьюстона после финального раунда собеседований с НАСА.

Если у него все получится, мне больше не отвертеться.

— Хватит уже околачиваться у телефона, — кричит мама. — Они же сказали, что позвонят сегодня, если тебя выберут. Уже полшестого вечера! Ты потратил весь отпуск, а ведь сейчас только июнь; ты летаешь в Хьюстон и обратно каждые несколько недель — это отнимает у тебя все время. Это отнимает наше время!

Она указывает на меня; вот так и получается, что я часть их игры. Словно пешка, которой специально жертвуют, чтобы выманить слона, а затем поставить шах и мат. Мама смотрит мне в глаза, и на миг на ее лице отражается усталость. Следы паники и стресса. Но я отвожу взгляд в сторону. Я не дам ей возможности воспользоваться этим козырем. Не буду в этом участвовать.

— Мне очень жаль, но пора отбросить фантазии, — говорит мама, снова переводя внимание на папу. — Просто... взгляни на это с практической точки зрения. Мы не можем переехать. У меня есть своя жизнь и работа.

— Неужели это нужно делать чуть ли не каждый день? — бросаю я, направляясь по коридору к своей комнате.

— В Хьюстоне сейчас всего полпятого. — Папа слегка нервно откашливается. — К тому же ты ведь работаешь на удаленке и можешь кодить откуда угодно. Знаю, тебе не хочется это слышать, но шанс все же есть. Реальный шанс.

— А что насчет Кэлвина? — огрызается мама. — Мы заберем его из школы прямо на последнем году обучения? Ты когда-нибудь рассказывал ему, как это отразится на его репортажах?

— Так, стоп. И как это отразится на моих репортажах? — Я разворачиваюсь к ним, но стоит мне это сделать, как все части мозаики встают на свои места. Если отец получит эту работу, мы не просто переедем в Хьюстон — мы буквально окажемся внутри телешоу. Каждый миг нашей жизни будет отслеживаться и записываться «Стар-Вотч» для их бесячего шоу «Падающие звезды».

Родители старательно отводят глаза в сторону.

— Ну, мы ничего точно не знаем, — начинает папа, — просто в документах был такой пункт.

— Вполне однозначный пункт, — бросает мама, устало массируя виски, — где говорится, что нельзя проводить публичные видеосъемки, в том числе это касается участников миссии. А наша семья будет считаться ее частью.

Разворачиваюсь и ухожу прочь.

— Кэл, подожди!

Я хлопаю дверью своей спальни и прислоняюсь к ней спиной.

Через несколько секунд родители вновь начинают скандалить, и в глубине души мне хочется вернуться, чтобы попробовать положить ссоре конец. Чтобы все снова вернулось на круги своя. У предков и раньше случались размолвки, еще до всей этой истории с набором в астронавты, но гораздо реже и не столь яростные. Мои кулаки сжимаются, мысленно я веду с самим собой жаркий спор: оставаться здесь или попытаться помочь, постараться как-то остановить родителей?

Впрочем, раньше это никогда не срабатывало.

— Из-за тебя я каждый раз опасаясь возвращаться домой, Бекка. Стоит мне вернуться с хорошими новостями, как ты закатываешь скандал!

— Я прожила здесь всю жизнь, — обиженный голос мамы проникает за дверь. Со стороны кажется, будто каждый из родителей выступает с монологом. Они не слушают друг друга. — Это был наш первый дом. Я здесь родилась, моя... все члены моей семьи здесь родились.

Кое о чем мама умалчивает — моя тетя тоже родилась здесь. Она много лет жила чуть дальше по улице. Эта улица и весь район пронизаны воспоминаниями о ней. Неудивительно, что мама не хочет никуда уезжать.

— У тебя не хватило совести обсудить это со мной до того, как ты...

Все, я больше не хочу ничего слушать.

Это еще одна причина, по которой мой отец не подходит на эту работу: мы явно не годимся на роль семьи астронавтов.

НАСА начало отбирать астронавтов для миссии «Орфей» три года назад, небольшими группами по три-четыре человека. Астронавты первых четырех миссий проводили проверку отдельных компонентов кораблей серии «Орфей», и каждое испытание было более успешным, чем предыдущее.

Однако члены семей этих астронавтов стали звездами. Их положение безупречно; их личные и профессиональные истории идеально вписываются в сценарий, который даже я не смог бы придумать. Трудно смотреть на них и не прийти к мысли, что у них есть все, чего лишена моя собственная семья.

Астронавты вступали в жаркие перепалки на страницах журнала «Пипл», и, конечно же, иногда кто-нибудь из звездных супругов позволял себе выпить лишнего во время позднего завтрака. Однако на камеры они все равно продолжали улыбаться. Они знают, как сделать так, чтобы даже их недостатки казались... достоинствами.

В конце концов, звездные семьи продолжают демонстрировать счастье и заботу — о чем мои родители давно забыли.

Я надеваю наушники и вставляю их в ретромагнитофон. Вытаскиваю свежие находки и перебираю остальные кассеты из моей пестрой коллекции: Nirvana, Dolly Parton, Cheap Trick — группы и исполнители, которых я знаю только потому, что наткнулся на них в комиссионном магазине. Выбираю кассету Cheap Trick и включаю — пусть гитара заглушит голоса родителей.

Папа хочет стать одним из них. То есть астронавтом. Ему хочется быть им сильнее, чем оставаться на своей должности — пилота ВВС, который ушел в коммерческую авиацию и хочет променять «Боинг 747» на космический корабль. НАСА объявило, что нанимает последних пятерых астронавтов для проекта «Орфей». Он подал заявление несколько месяцев назад, когда большинство мест уже было занято.

У меня не хватило духу поговорить с ним о его шансах. Я рассказал обо всем в своих сюжетах. Один из новобранцев, например, был астрофизиком с аккаунтами в соцсетях, догоняющими по популярности саму Кардашьян. Еще одна кандидатка оказалась геологом и морским биологом, отхватившим два «Оскара» за свои документальные фильмы и даже «Грэмми» за вдохновенную озвучку собственной книги — конечно же, та стала бестселлером. И это еще не самые впечатляющие примеры.

Отец, я уверен, хороший пилот, но он не такой, как они.

Он бывает сердитым. Нетерпеливым. Угрюмым. Ладно, я рисую его не в лучшем свете. В остальном-то он

хороший отец — очень умный и дает просто убийственные советы, когда я делаю домашку по алгебре. Однако, похоже, мамины слова причиняют ему почти физическую боль, поэтому он огрызается, заставляя ее еще сильнее волноваться. Их перепалки не годятся для телесъемок. Для камеры это слишком грязно, реалистично и грубо.

Если они не могут устроить спектакль для меня — хотя бы сделать вид, что все в порядке, подобно родителям Деб, — как они будут участвовать в спектакле для целого мира?

Я слушаю несколько треков, сидя на полу и закрыв глаза. Сейчас для меня не существует ничего, кроме музыки. И шума редких машин снаружи. Ладно, не таких уж и редких. В конце концов, это ведь Бруклин.

Через некоторое время на меня нисходит спокойствие, заглушая страх. Я чувствую... умиротворение. Наедине с собой я больше не беспокоюсь о своих планах на будущее. Меня не беспокоит стажировка в «Баззфид», которая начнется на следующей неделе. Не волнуют сотни сообщений в электронном почтовом ящике — ответы на еженедельный выпуск «Записки Кэла» (не смог придумать названия поумнее, не обессудьте), — где я даю ссылки на свои видео с важными новостями, рассчитанными на тех, кому не плевать на происходящие в мире события.

Не то чтобы я совсем забываю об своих проблемах, но могу выбросить их из головы на несколько минут, а затем еще на несколько, пока не придется вставить, чтобы переключить кассету. Напряжение в груди уходит. Это что-то вроде медитации. Для меня это самое эффективное антистрессовое упражнение.

Я расслабляюсь, пока не раздастся стук в дверь.

Он прорывается через шумоподавляющие наушники и ухающую музыку. Значит, это даже не стук, а скорее грохот, и все же я снимаю наушники и кричу:

— Да?

В комнату заглядывает мама — она всегда боится, что поймает меня за «чем-то», и мы все прекрасно понимаем, что имеется в виду; но я тоже не идиот и могу придумать, как заниматься этим «чем-то» дважды в день и не дать себя ни разу застукать, большое спасибо.

Но затем я замечаю выражение ее лица. Она плачет, и это очень нехорошо.

Видите ли, плакать ей несвойственно. Родители цапаются, кричат и портят настроение всем соседям вокруг, но она никогда не плачет. Они скандалят, после чего мама замыкается в себе, а папа уходит на прогулку. Вот как это обычно происходит. Они грызутся, но не обижают друг друга до такой степени, чтобы помнить об этом через час.

А сейчас... она плачет.

— Я, кхм... — В дверь входит мама. Быстро окидываю ее взглядом на предмет синяков, следов ударов и прочего — хотя и знаю, что папа никогда в жизни не причинил бы ей вреда, раньше мне не доводилось видеть ее настолько расстроенной, поэтому волей-неволей в голову лезут разные нехорошие мысли. Пока она не начинает говорить.

— Пойдем в гостиную. У твоего отца есть новости.

Новости.

Меня берет оторопь. Неужели звонок раздался в самое последнее мгновение? НАСА вмешалось в их склоку, чтобы сообщить папе, что его выбрали для?..

Но это же какая-то бессмыслица. Мы ведь не такие, как остальные кандидаты. И никогда не станем на них похожи. НАСА ведь должно было это выяснить, верно?

Прежде чем зайти в своих догадках слишком далеко, я выключаю музыку и иду к двери, к пустому проему, где только что стояла мама. Она быстро сворачивает за угол, лишь развевающийся подол платья мелькает напоследок.

Мама убегает от разговора, чтобы не видеть того выражения лица, которое появилось у меня при слове «новости».

Это может означать все что угодно.

Я прохожу половину коридора, когда раздается хлопок вылетевшей из шампанского пробки, который подтверждает мои страхи. Внутренности скручиваются узлом. Пульс ускоряется. Я чувствую это всем телом, словно удар электрическим током, но меня не сотрясают судороги, все происходит очень медленно. Нервы пускаются в пляс, а конечности отказываются повиноваться. Все кажется серым и лишенным вкуса, запахи слабеют, и я даже не могу придумать подходящих по смыслу метафор, потому что...

— Пропустим по бокалу, Кэл, и ты тоже. Это особенный случай, — с сияющим видом папа протягивает шампанское нам, совершенно не замечая испуганного и подавленного выражения на наших лицах. — Выпьем за меня. За нового астронавта НАСА.

Лишь спустя несколько секунд до меня доходит смысл его слов, похоже, что мой мозг отказывается это понимать. Кулаки непроизвольно сжимаются. Дыхание спирает. Во всем теле нарастает давление: в спине, в носу, в животе. Ноги гудят, когда я мысленно повторяю это слово: «астронавт». Астронавт.

Астронавт.

Вам доводилось когда-нибудь так часто повторять какое-нибудь слово, что оно теряло значение? Ведь такого просто не может быть. Определение намертво застряло в моей голове — я попытался вникнуть в его смысл. Астронавт. Исследователь космоса. Тот, кем мечтал стать каждый ребенок, начиная с шестидесятых годов.

Я со звоном опускаю на стол бокал с шампанским и проталкиваюсь мимо матери к двери. Коридор расплывается у меня перед глазами, я врываюсь в ванную. Не знаю, что это означает для моего отца, мамы или меня. Точно я знаю лишь одно: меня сейчас стошнит.

«ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ»

Сезон 1, эпизод 6

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ. В этом эпизоде «Падающих звезд» астронавт Грейс Такер беседует с ведущим Джошем Фэрроу и сразу же отвечает на вопрос, который больше всего волнует преданных поклонников «Стар-Вотч». (Первый эфир 15.06.2019.)

— Добрый вечер, «старвотчеры», это Джош Фэрроу. Сегодня мы приветствуем Грейс Такер — отважного пилота, блестящего инженера и прежде всего решительного астронавта. Кто знает, какую роль она сыграет в проекте «Орфей»? Будет ли она помогать миссии на Земле или, возможно, оставит первый человеческий след на поверхности Марса? Грейс участвует в работе над проектом всего третий месяц, но уже успела заработать себе имя. Сегодня она заглянула к нам в студию, чтобы обсудить это и многое другое... Грейс, спасибо, что присоединились к нам. Сейчас в вашей команде девять человек, и НАСА недавно объявило, что в следующем году к проекту «Орфей» добавится еще одиннадцать.

— Спасибо за приглашение, Джош. Мы с вами знаем, что НАСА требуются самые лучшие астронавты. Было время, когда астронавтами НАСА становились лишь самые крепкие и стойкие белые мужчины. Вспомните «Меркурий-7» и «Новую девятку»* — таких людей, как Дик Слейтон, Алан Шепард, Джим Ловелл, Пит Конрад. Конечно, все они были чертовски умны, но со временем НАСА осознало пользу разнообразия. Разнообразия навыков, социального положения, а также расы, пола, идентичности и ориентации.

---

* «Новая девятка» — второй отряд астронавтов НАСА, набор в который был анонсирован в апреле 1962 г.

